

Communicative risks of using emotiogenic headlines in Russian media political discourse

The article explores the news format based on the technology of ridicule used in modern Russian media political discourse. The author presents the results of the news analysis carried out with the psycholinguistic theory of dominant scenarios to identify ways and means of emotional and speech impact on the target audience. As a result of the research, the communicative risks of using emotiogenic media texts were determined.

Key words: *news media political discourse, communication, dominant scenarios, speech influence, emotiogenicity.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

Я.А. ВОЛКОВА
(Москва)

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ДЕСТРУКТИВНОСТИ: ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается реализация коммуникативной категории деструктивности в персональном и институциональном дискурсах. Анализу подвергнуты деструктивные стратегии и тактики в различных дискурсах. Делается вывод, что коммуникативная категория деструктивности интердискурсивна по своей сути и наиболее ярко проявляет себя в периферийных дискурсивных жанрах.

Ключевые слова: *коммуникативная категория, деструктивность, дискурс, интердискурсивность, жанр.*

Изучение дискурса эмоций включает ряд вопросов, связанных с выявлением сложных мотивных смыслов в процессе коммуникации. Деструктивные эмоции представляют в этом плане особый интерес, т. к. выступают мотивационной основой широко распространенного в настоящее время вида человеческого общения – деструктивной коммуникации.

Проблема деструктивности не нова, вопросы соотношения разрушительного и со-

зидательного в природе человека всегда возникали в периоды кризиса в развитии человеческой цивилизации. Современное поколение стало свидетелем трансформации и утраты нравственных и эмоциональных ценностей, которые испокон веков составляли основу человеческой цивилизации, что привело к существенному размыванию стилевых и жанровых норм в общении. Если рассматривать дискурс как «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов» [15, с. 22], и отталкиваться от понимания коммуникативной категории как единства структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения, основной функцией которого является организация общения [10], то деструктивность следует отнести к числу фундаментальных коммуникативных категорий, определяющих прагматику дискурса. В настоящей статье деструктивность рассматривается как категория коммуникации, имеющая интердискурсивный характер.

Исследования коммуникативной категории деструктивности опираются на положение о том, что эмоции, будучи особой формой отражения и интерпретации действительности, являются пусковым механизмом деструктивности в общении, т. е. его мотивационной основой. Данное положение, на первый взгляд, вступает в противоречие с тезисом А. Басса о наличии двух типов человеческой агрессии – «гневной» (вызываемой оскорблением, физической атакой или присутствием раздражителей) и «инструментальной» (цель которой – выиграть соревнование или получить «вознаграждение») [17, р. 10]. Очевидно, что многие ситуации деструктивности попадают под вторую категорию, что заставляет предположить, что инструментальная агрессия не мотивирована «деструктивными» эмоциями или что она вообще мотивирована не эмоциями, а холодным расчетом и стремлением получить вознаграждение. На наш взгляд, грань между разделяемыми видами агрессии весьма условна. В человеке все мотивировано эмоциями, «рассматривать человеческую природу, не учитывая силу эмоций, значит проявлять прискорбную близорукость» [3, с. 18]. Роль эмоционального стимула в деструктивном общении

велика: эмоции определяют степень деструктивности в коммуникации и координируют процесс деструктивного общения. Эмоции наблюдаются как непосредственно, через язык тела, так и опосредовано, через язык слов. Обе эти семиотические системы эксплицируют не только непосредственное эмоциональное состояние коммуниканта, но и его эмоциональный ментальный стиль и его эмоциональный дейксис [13].

Таким образом, семиотическое пространство деструктивного общения, подобно любому другому типу общения, формируется вербальными и невербальными знаками. Вербальная семиотическая система представлена, прежде всего, инвективной, грубой и вульгарной лексикой. Однако доказано, что далеко не всегда использование подобного рода лексики является показателем деструктивности в общении [5; 14; 16]. Как справедливо отмечает Ю.В. Щербинина, «классифицировать то или иное высказывание с точки зрения наличия в нем проявлений вербальной агрессии представляется возможным только в контексте целостной речевой ситуации, т. е. в каждом конкретном случае необходимо устанавливать связь высказывания с реальными условиями общения – временем, местом, целями и характером общения, предметом речи, составом коммуникантов» [16, с. 42]. Действительно, насколько можно говорить о деструктивности, если все усилия агрессора не приводят к желаемому результату – его намеченная жертва не обижается? В то же время возможны ситуации, когда адресат оценивает слова адресанта как обидные, в то время как тот отрицает любые деструктивные намерения. Широко известен тот факт, что грубая лексика может не иметь в речи оскорбительного значения, если сопровождается соответствующими невербальными компонентами коммуникации – она может использоваться рефлексивно, для выброса эмоций [14], и наоборот, стилистически нейтральные слова могут нести инвективную нагрузку – стать деструктивными в определенном невербальном контексте. Итак, с точки зрения адресата, интенциональную базу деструктивности в общении составляет стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника, причинить ему боль любыми доступными способами, однако пути реализации этого намерения могут существенно отличаться в различных дискурсах.

Дискурс как явление речевого порядка стал объектом изучения лингвистов начиная

с конца прошлого века. Структура, функции, типология, методология дискурса пристально рассматриваются в многочисленных исследованиях. Общеизвестными на настоящий момент являются личностно ориентированный (персональный) и статусно ориентированный (институциональный) типы дискурса [8, с. 278]. Если личностно ориентированный дискурс имеет место в ситуациях, «когда участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности», то статусно ориентированный дискурс соотносится с ситуациями, в которых люди выступают в какой-либо социальной роли в рамках определенного социального института [Там же]. В.И. Карасик выделяет различные виды институционального дискурса – политический, деловой, медицинский, педагогический, рекламный, спортивный, религиозный, массово-информационный и др., отмечая при этом открытость этого списка [7, с. 10]. Учитывая полевую структуру дискурса, которая позволяет выделять прототипические и периферические жанры, исследователи вводят понятие интердискурсивности, трактовки которого также несколько различаются. Наиболее ярко различие подходов к пониманию интердискурсивности прослеживается в работах О.С. Иссерс и В.Е. Чернявской. О.С. Иссерс рассматривает интердискурсивность как общность отдельных элементов языковой системы, проявляющуюся в дискурсах, как некую «переключку» дискурсов, когда один дискурс содержит «следы» (т. е. речевые обороты, лексические единицы и пр.) других дискурсов [6, с. 39–50]. Точка зрения В.Е. Чернявской основана на понимании дискурсивных систем как «предзаданных когнитивных систем мышления». Соответственно интердискурсивность понимается ученым как когнитивная категория, отражающая взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий: «Интердискурсивность характеризует, таким образом, когнитивные процессы, предшествующие конкретной текстовой реализации» [12, с. 226–227]. Представляется, что обе точки зрения не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими, т. к. актуализируют разные аспекты рассматриваемого явления – внутренний (когнитивный) и внешний (языковой).

Таким образом, исходя из задачи данной статьи, необходимо рассмотреть реализацию категории деструктивности в различных типах дискурса и выявить характер этой реали-

зации. Деструктивность в персональном дискурсе была детально проанализирована нами ранее: была представлена типология ситуаций деструктивного общения, выделены основные средства и маркеры деструктивности [1]. Отметим, что в персональном дискурсе интерес представляет анализ деструктивных тактик, реализуемых в рамках генеральной когнитивной стратегии деструктивного общения, а именно стратегии психоэмоционального «уничтожения» противника, собственного возвышения за счет унижения коммуникативного партнера. С учетом того, что действия говорящего в деструктивном общении по определению направлены против собеседника, основная стратегическая линия коммуникации получила название конфронтационной. Вспомогательными стратегиями по отношению к основной выступают инвективная стратегия и стратегия манипулирования, каждая из которых обладает определенным набором тактик. Так, было установлено, что к прямым тактикам инвективной стратегии относятся оскорбление, угроза, возмущение, злопожелание, отсыл, издевка и др., к косвенным – намеки, ирония, игнорирование, провокация, распространение ложной информации и др., к манипулятивным тактикам – упрек, эмоциональное давление, отказ от общения и др. [Там же, с. 201–204].

Очевидно, что ни одна из перечисленных тактик не относится исключительно к персональному дискурсу – манипулятивные тактики широко используются в медийном, политическом, педагогическом, деловом и др. дискурсах, но далеко не всегда характеризуются деструктивностью. К собственно деструктивным тактикам были отнесены тактики хамства и коммуникативного садизма. Коммуникативный садизм представляет собой сложную комбинированную деструктивную тактику, включающую в себя приемы / тактики открытой (оскорбления, издевки, угрозы) и скрытой (систематическое унижающее давление без открытого проявления враждебных эмоций) вербальной агрессии, открытой и скрытой невербальной агрессии (молчание, отказ разговаривать, мимические и кинетические жесты, различные невербальные действия, за исключением физической атаки).

Важнейшую роль играет положительная эмоциональная реакция адресанта, которая оценивается исходя из невербальных проявлений испытываемых им эмоций удовольствия и удовлетворения. Хамство рассматривается

как комбинированная коммуникативная тактика, в которой задействованы приемы прямой и косвенной вербальной и невербальной агрессии (оскорбление, угроза, возмущение, злопожелание, игнорирование и др.), основанная на безнаказанности агрессора и беспомощности жертвы. «Именно в безнаказанности все дело, в заведомом ощущении ненаказуемости, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву» [4].

Не секрет, что есть люди, для которых хамство выступает не как тактика, а как коммуникативная практика, но для многих это просто способ добиться поставленной коммуникативной задачи. Хамство широко распространено в бытовом дискурсе, в том числе и в семейном общении, но зачастую воспринимается как коммуникативная норма. В институциональном дискурсе хамство более ощутимо, ибо усугубляется позицией неравенства, априори присутствующей в институциональных дискурсах.

Приведем пример из медицинского дискурса – ситуации общения «врач – пациент». Случай получил огласку благодаря видеозаписи, из которой видно, что врач отказалась принимать женщину и выписать ей рецепт на инсулин из-за того, что она не записалась на прием. При этом врач игнорирует слова пациентки, что в этот день у нее заканчивается инсулин, а свободной записи в поликлинику не было. «Очень плохо. Хотя ты сдохни, не выпишу», – таков ответ врача на просьбу выписать лекарство (URL: <https://news.mail.ru/incident/35335169/>). Чиновничье хамство в России стало притчей во языцех и, несмотря на развернутую в прессе кампанию по борьбе с ним, остается широко распространенным явлением. Научение по моделям (термин А. Бандуры) играет в этом процессе существенную роль. Когда человек видит, что хамское общение помогает быстро достичь цели, он сам начнет использовать эту модель в своей коммуникативной практике, превращая таким образом хамство в эффективную деструктивную тактику практически в любом виде дискурса.

Применение деструктивных тактик прослеживается и в других «конструктивно ориентированных» институциональных дискурсах, например в педагогическом и деловом. Цели педагогического дискурса, включающие формирование структур знаний в сознании обучаемых и социализацию подрастающего члена общества, определяют его основную цен-

ностную составляющую: приобщить молодого человека к культурным ценностям общества. Именно этот компонент был определяющим для образования с древнейших времен: достаточно вспомнить, что древнегреческая педагогическая мысль рассуждала об образовании, используя термин *paideia*, который означает «вращивание», но предполагает нечто более близкое к «инкультурации», что, в свою очередь, описывает непрерывный процесс привлечения индивида к обычаям и убеждениям более крупного сообщества [19, р. 16]. Но и такая конструктивная сфера коммуникативной деятельности не могла похвастаться отсутствием разрушительных элементов. На протяжении столетий учителя призывали к послушанию с помощью физического насилия, пороли своих учеников, унижали их словесно и физически, а ученики мечтали отомстить своим учителям и нередко успешно реализовывали планы мести. Несмотря на то, что в последние годы власти делают многое для предотвращения деструктивных практик в педагогическом дискурсе, отдельные примеры использования, например, прямых инвективных тактик, впечатляют. Вот некоторые из многочисленных примеров деструктивного поведения учителя в школе: в Санкт-Петербурге учительница младших классов в присутствии всего класса написала на лбу мальчика слово «дурак» (URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/26736/3763812/>); в Новосибирске учительница заклеивала рот скотчем тем первоклассникам, которые, по ее мнению, слишком много говорили (URL: <https://www.kp.ru/daily/24011/85389/>). Типичны проявления открытых инвективных тактик в речи учителя: оскорбление (*Лентяй! Бестолочь! Неуч!*), угроза (*Вызову родителей! Позову директора!*), издевка (*Ты что такая умная? И как можно этого не знать?*), возмущение (*Ты что такая бесстыжая?!*), отсыл / грубые требования (*Вышла за дверь! Быстро встал и вон из класса!*). Косвенные инвективные тактики, такие как ирония, также практикуются в педагогическом общении (*Гениально! Умница, садись, три!*), различных намеков (*Удивительно, и как же ты попал в этот класс?*), что вносит деструктивный компонент в педагогический дискурс, «дисгармонизирует» (термин Ю.В. Щербининой) его.

Этические нормы делового общения давно определены и описаны в научной литературе (см. напр. [11]). Вежливость, наряду с коммуникативными категориями интерпретируемости, ясности, имплицативности [7], являет-

ся центральной коммуникативной категорией делового дискурса. Невежливость, а тем более грубость, в деловой коммуникации не допускаются. Тем не менее некоторые коммуникативные ситуации делового общения могут быть описаны как ситуации деструктивного общения. Так, в жанре служебного совещания в ситуации общения наблюдался ряд деструктивных коммуникативных действий со стороны директора компании. В первую очередь недовольство результатами работы вызывало невербальные проявления деструктивных эмоций: повышенный тон голоса, покраснение лица, что сопровождалось использованием прямых инвективных тактик – обвинения и оскорбления: *Значит, вы неэффективный менеджер! Вы и ваш отдел не отрабатываете свою зарплату! Вы ничего не сделали для привлечения клиентов! Вы сидите на шее у компании! Вы не заработали этих денег, значит, вы их украли у компании! Вы крадете деньги компании!* (ручная запись).

Деструктивность ярко проявляется в политическом дискурсе, особенно в жанре предвыборных дебатов [2]. В политическом дискурсе деструктивность интенциональна и реализуется как специфическая стратегия говорящего. Было установлено, что оскорбительные реплики политиков в данном дискурсе – результат не спонтанного эмоционального всплеска, а тщательно продуманной стратегии понижения статуса оппонента, ухудшения его публичного имиджа. В проанализированных публичных дебатах и предвыборных выступлениях политиков представлены все признаки деструктивного общения: ряд вербальных и невербальных ключей – показателей прямой и косвенной агрессии.

Таким образом, проявления деструктивности фиксируются в разнообразных дискурсах, включая и наиболее конструктивные их виды. Необходимо отметить, что эти проявления релеванты для периферийных жанров и вряд ли будут выявлены в жанрах прототипических. Тем не менее сам факт наличия коммуникативной категории деструктивности в этих дискурсах представляется важным свидетельством нарушения стилевых, этикетных и этических норм в дискурсивном пространстве, что, несомненно, подводит к мысли о размывании границ дискурсов и о некоем интердискурсе как «интегрированном в целостную систему человеческого знания, рассеянном во многих дискурсивных формациях» [12, с. 211]. Для рассматриваемой коммуни-

кативной категории деструктивности это знание средств и способов причинить страдания ближним превращается в действие и оттачивается в многочисленных ситуациях деструктивного общения.

Проникновение и закрепление деструктивности в институциональные дискурсы отражает общее состояние современного российского общества, в котором коммуникативные нормы определяются властью и статусом коммуникантов. В процессе исследования нам часто приходится сталкиваться с мнением о том, что деструктивность в коммуникативном поведении отражает, прежде всего, особенности характера конкретного индивида. Нет сомнения, что от характера зависят частота и степень деструктивных проявлений, и есть люди, которые умеют полностью контролировать свои деструктивные намерения и переориентировать их в безопасные виды деятельности, но принципиально важным в этой связи представляется вывод Э. Фромма о том, что характер человека – это *субъективное отражение культуры социума* [18]. В жизнеутверждающем социуме нет деструктивности, нет садистов и некрофилов, их продуцирует культура деструктивного социума. Отчуждение человека от природы и мира в целом выливается в то, что человек противопоставляет себя другим людям, социальным группам и миру в целом, теряет чувство принадлежности, утрачивает способность к идентификации [9, с. 24]. Именно тотальное отчуждение порождает деструктивность во всех видах деятельности, в том числе и в деятельности коммуникативной. Это ставит новые задачи перед лингвистикой эмоций, включая изучение эмоциогенности деструктивной коммуникации, выявление соотношения между деструктивностью в общении и деструктивностью в обществе, а также выработку эффективных стратегий противодействия деструктивности в коммуникации.

Список литературы

1. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: моногр. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.
2. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. Т. 20. № 4. С. 161–178.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2008.
4. Довлатов С.Д. Это неперебиваемое слово «хамство» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html> (дата обращения: 12.11.2018).

sergeidovlatov.com/books/etoneper.html (дата обращения: 12.11.2018).

5. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001.
6. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015.
7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
9. Лысак И.В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999.
10. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: моногр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010.
11. Психология и этика делового общения. 4-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
12. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
13. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вopr. языкознания. 2002. № 5. С. 38–56.
14. Шаховский В.И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) // Экология русского языка: материалы 2(4)-й Междунар. науч. конф. Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2011.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
16. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
17. Buss A. Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. NY, London: Academic Press, 1971. P. 7–18.
18. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. Holt, Rinehart and Winston, 1974.
19. Rogers B.M. Before paideia: Representations of Education in Aeschylean Tragedy: PhD Diss., Stanford University, 2005.

* * *

1. Volkova Ja.A. Destrktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: monogr. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014.
2. Volkova Ja.A., Panchenko N.N. Destrktivnost' v politicheskom diskurse // Vestnik Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. T. 20. № 4. С. 161–178.
3. Goulman D. Jemocional'nyj intellekt. M.: AST Moskva: Hranitel', 2008.
4. Dovlatov S.D. Jeto neperevodimoe slovo «hamstvo» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html> (дата обращения: 12.11.2018).

sergeidovlatov.com/books/etoneper.html (data obresheniya: 12.11.2018).

5. Zhel'vis V.I. Pole brani. Skvernoslovie kak social'naya problema v jazykah i kul'turah mira. M.: Ladomir, 2001.

6. Issers O.S. Diskursivnye praktiki nashego vremeni. 2-e izd., ispr. M.: LENAND, 2015.

7. Karasik V.I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5–20.

8. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

9. Lysak I.V. Chelovek – razrushitel': destruktivnaja dejatel'nost' cheloveka kak sociokul'turnyj fenomen. Taganrog: Izd-vo TRTU, 1999.

10. Panchenko N.N. Dostovernost' kak kommunikativnaja kategorija: monogr. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2010.

11. Psihologija i jetika delovogo obshhenija. 4-e izd. M.: JuNITI-DANA, 2005.

12. Chernjanskaja V.E. Lingvistika teksta. Polikodovost'. Intertekstual'nost'. Interdiskursivnost': ucheb. posobie. M.: Kn. dom «LIBROKOM», 2009.

13. Shahovskij V.I., Zhura V.V. Dejksis v sfere jemocional'noj rechevoj dejatel'nosti // Vopr. jazykoznanija. 2002. № 5. S. 38–56.

14. Shahovskij V.I. Mat kak kommunikativnaja «priprava» (v aspekte jemotivnoj lingvojekologii) // Jekologija russkogo jazyka: materialy 2(4)-j Mezhdunar. nauch. konf. Penza: Izd-vo Penz. gos. ped. un-ta im. V.G. Belinskogo, 2011.

15. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000.

16. Shherbinina Ju.V. Verbal'naja agressija. 2-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2008.

А.А. РОМАНОВ, Л.А. РОМАНОВА
(Тверь)

СЕЛФИ КАК ЭМОТИВНАЯ ПЕРФОРМАТИВНАЯ ПРАКТИКА В СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Обосновывается коммуникативно-функциональный статус селфи-дискурса как перформативного феномена, который рассматривается с позиций семиотического объекта, обладающего набором перформативных свойств, реализуемых в сетевых коммуникациях с определенными прагматическими установками на социальную самопрезентацию.

Ключевые слова: аутопрезентация, дигитальная коммуникация, селфи-дискурс, инфосфера, перформативность, самопрезентация, самопредъявление, самоподача, сетевое общество.

Здесь всё теперь воспоминанье,
Здесь всё мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струн, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.
Но только нет... Продленный миг
Есть ложь... И беден мой язык.
М. Волошин. Письмо

The communicative category of destructiveness: the interdiscursive aspect

The article considers the ways the communicative category of destructiveness is implemented in personal and institutional discourses. The author analyses the destructive strategies and tactics in various types of discourse. It is concluded that the communicative category of destructiveness is interdiscursive in its essence and manifests itself most clearly in peripheral discursive genres.

Key words: *communicative category, destructiveness, discourse, interdiscursiveness, genre.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

Бурное развитие информационных технологий, в особенности интенсивный рост сетевых коммуникаций и широкое внедрение в жизнь мирового сообщества интернет-коммуникаций (компьютерных коммуникаций), оказало существенное влияние на характер процессов смыслообразования и трансляции социально нагруженных значений, что отразилось на размытости критериев норм, правил, привычек и закономерностей в системе отношений «человек – мир – человек». Сетевая коммуникация в глобальном охвате (масштабе) предоставила возможность различным слоям общества при помощи коммуникативных средств оперативно и демонстративно заявлять о себе (т. е., демонстрируя, подавать себя, декларировать себя) всем членам сетевого сообщества («сетянам», netizen) путем